УДК 94(729):(479)91(036)

**АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ АСПЕКТ КАВКАЗСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ В XVIII – НАЧ. XIX ВВ.
(исторический анализ внешнеполитических дипломатических актов)**

М.С.Искендерова

*Доктор философии по истории, ведущий сотрудник
Отдела международных отношений Института
истории им.А.А.Бакиханова НАН Азербайджана г.Баку,
kazimovar@mail.ru*

Ключевые слова: международные договоры, дипломатия, Азербайджан, Туркменчайский договор, переселенческая политика.

Açar sözlər: beynəlxalq müqavilələr, diplomatiya, Azərbaycan, Türkmənçay müqaviləsi, köçürmə siyasəti

Key words: international treaties, diplomacy, Azerbaijan, the Turkmenchay treaty, resettlement policy.

Представленная тема является актуальной как в научном, так и политическом аспектах и отличается неразрывной созвучностью с современными реалиями. Сегодня Азербайджан, как и Кавказ в целом, находится в эпицентре столкновения геополитических интересов мировых держав и региональных государств. Осознание современной Россией военно-стратегической и экономической значимости данного региона сочетается с её традиционным соперничеством с державами Ближнего Востока и европейскими странами.

В настоящее время, также как в XVIII – нач. XIX вв. сформировалась аналогичная сфера геополитических интересов в Азербайджане, правда, с несколько иной расстановкой противоборствующих сил. Как и в период царизма, Азербайджан и сегодня продолжает оставаться мостом между Востоком и Западом и рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов.

XVIII – нач. XIX вв. – один из сложных периодов в истории Азербайджана, оставивший глубокий след в судьбе азербайджанского народа. В рассматриваемый период Азербайджан находился в центре противоречий и соперничества Османской империи, Ирана и России.

В советской историографии вопросы политики царизма в Азербайджане рассматривались необъективно, пристрастно. Ввиду глобальных политических трансформаций 90-х годов XX века, повлиявших на развитие самой исторической науки, историки приступили к деидеологизации научных подходов к вышеуказанной проблеме и осуществлению взвешенного и глубокого изучения её исторической значимости.

XVIII век – переломный в политической истории Азербайджана, как и всего Южного Кавказа. Обстановку в регионе определял, с одной стороны, быстрый упадок Ирана и Османской империи, издавна соперничавшие за гегемонию на Ближнем Востоке, а с другой – превращение России в мощную державу, активно действующую не только в Европе, но и в Азии. Результаты борьбы между этими государствами, которая велась как на дипломатическом уровне, так и в жёстком военном противостоянии, отражены в целом ряде международных договоров.

Активизация внешней политики России в первой четверти XVIII в. наблюдается уже в период правления Петра I, стремившегося к захвату азербайджанских земель. Острое соперничество России и Османской империи, явившееся результатом столкновения интересов этих государств в Прикаспийском регионе, привело в 1722 г. к прикаспийскому походу Петра [1, с. 26-46].

Однако, ответная реакция Турции, и повлёкшая за собой напряжённость в русско-османских отношениях не вылились в войну между османами и русскими. 27 июня 1724 г. в Стамбуле, благодаря усилиям французской дипломатии, был подписан русско-турецкий договор. Стамбульский договор подтвердил переход к России прикаспийских областей, вместе с Гилянкой, Мазандаранской и Астрабадской областями. Ширван с центром в Шемахе объявлялся зависимым от султана ханством [2, л. 410; 3, лл. 7-9].

Согласно третьей статье договора вся Восточная Грузия, большинство территорий Азербайджана перешли под власть Османской империи [3, л. 11 об.].

Фактически это было соглашение о разделе чужих земель – территории Азербайджана. Это находит своё подтверждение в оценке современными авторами Стамбульского договора, как несправедливого, колониального соглашения, попирающего интересы как азербайджанского, так и всех южнокавказских народов [4; 5, с. 82-84; 6, сс. 64, 68].

Если в начале XVIII в. Сефевидское государство переживало кризис, то в конце 20-х – начале 30-х годов положение в Сефевидском государстве несколько стабилизировалось. На политическую арену выдвинулся талантливый полководец из тюркского племени афшаров – Надир, ставший главнокомандующим иранской армии [1, с. 62-64].

Возрождение и укрепление Сефевидского государства вскоре поставило Россию перед реальностью антироссийского ирано-турецкого альянса [7, с.

67-68]. Ввиду продолжавшихся происков османов, угрожавших позиции России на Южном Кавказе, не сумев сорвать подписание ирано-турецкого договора,* российское правительство изменило акцент в своей политике и выбрало тактику сближения с врагом Османского государства – Надиром, вступившим в разногласия с сефевидским шахом и стремившимся захватить власть в стране и положить конец турецким захватам в Иране. В 1732 году (21 января) был подписан с Россией Рештский договор.

В свою очередь, правильно оценив своё сложное удручающее положение в прикаспийских провинциях, в частности, – тяжесть содержания здесь русских войск, это требовало больших расходов и не сулило доходов, большие людские потери из-за непривычного климата и заболеваний малярией [5, с. 185-186], получив гарантии недопущения османов в прикаспийские провинции, основанные на военных успехах Надира, а также опасаясь антироссийского западного союза с севера [8, с. 149-153], – Россия по условиям Рештского договора вывела свои войска с прикаспийских областей южнее Куры.

Рештский договор состоял из введения и 8 пунктов. Согласно второй статье договора, Россия уступала Лахиджан, Раннекуг по реке Сефидруд, обязуясь передать эти магалы представителю шаха Мухаммед Ибрагиму, не дожидаясь ратификации. А Гилянская, Астрабадская и другие провинции южнее р.Куры Россия обещала передать Ирану через 5 месяцев после ратификации этого договора [9, с. 194-197].

Остальные прикаспийские земли севернее реки Куры (Баку и Дербент) Россия обещала вернуть Ирану и вывезти оттуда свои войска, когда Надир освободит северные земли Азербайджана, захваченные османами. Руководствуясь принципом недопущения в данный регион османской Турции, Россия «накрепко уговаривает», чтобы возвращаемые ею провинции «ни под каким образом в другия Державы отданы не были ...» [9, с. 198].

Согласно третьей статье договора Россия добилась права до беспошлинной торговли для российских купцов [9, с. 198-199].

Согласно пятой статье местные правители должны были в будущем возместить долги русским купцам за понесённый ущерб [9, с. 200-201].

Как эта, так и другие статьи свидетельствуют о том, что Рештский договор является ярким проявлением протекционистской политики царизма.

Так, Касумов Р.М. акцентирует на том, что подписание Рештского договора было вызвано также нежеланием России обострять отношения с

* Кирманшахский договор был подписан 10 января 1732 г. между Тахмасибом II ханом и Ахмед паша Багдадским.

Ираном. В целом большинство современных исследователей считают этот шаг России успехом российской дипломатии: Россия могла оказаться перед угрозой антиросийского союза с севера и ирано-турецкого блока с юга [8, с. 152].

По убеждению азербайджанского учёного Т.Мустафазаде, решение большинства задач предначертанной ещё Петром I восточной политики в южнокавказском регионе к началу 30-х годов было нереальным перед угрозой надвигавшейся войны с Османской империей и вероятной войной с усилившимся Ираном в силу отсутствия «ресурсов и возможностей» [5, с. 185-186].

Исследователь Э.Гусейнов, показав закономерность подписания Рештского договора, обосновывает её объективным изложением причин потери Россией части завоеванной ею прикаспийской территории, среди которых – отсутствие личности сильных правителей в России после Петра I, способных удержать в своих руках эти земли, проблемы с обеспечением русских солдат провиантом и т.д. [10, с. 46].

Г.Рагимов также считает, что в основе заключения Рештского, и в дальнейшем Гянджинского (1735 г.) договоров лежали мотивы, обусловившие тяготение русским правительством прикаспийскими провинциями, среди которых затраты огромного количества материальных средств, угроза возможной коалиции европейских стран с Османской империей, и др. [11, сс. 28-29, 30].

Саламова Н.А. отмечает, что «Рештский договор 1732 г. обозначил принципиально новый подход наследников Петра I по отношению к приобретённым им территориям на Кавказе: готовность возвратить их Ирану вопреки стратегическим интересам России» [12, с. 12-13].

Автор уверена в обусловленности такого поворота в кавказской политике внутренним и международным положением России. В частности, ухудшению положения царской империи она также, как и другие исследователи, находит объяснение в пренебрежении к насущным проблемам страны, находящейся в управлении «немецкой партии во главе с Э.-Г.Бироном» [12, с. 11].

Современные исследователи отмечают значимость подписания Рештского договора в изменении расстановки сил в пользу Надира [8, с. 152]. Успешное достижение Надиром своей цели, что было официально подтверждено сефевидско-османским договором, подписанным в 1733 году в Багдаде,** повлекло выполнение со стороны России данного ранее обещания о возвращении остальных прикаспийских земель. Так, 21 марта

** Имеется ввиду Багдадский договор 1733 г.

1735 г. в лагере Надира русский посол С.Голицын подписал Гянджинский договор о возвращении Сефевидскому государству прикаспийских областей к северу от Куры и полном выводе российских войск с территорий Азербайджана [13, с. 205-207].

В третьей статье российская сторона гарантировала себя от создания антироссийского ирано-османского альянса. В ней говорится, что Иранское государство может заключить с османами мирный договор и обязуется включить в этот договор и Российскую империю на основании имевшегося между ними трактата. В случае же мирного договора между Российской империей и Османской империей подобную позицию должно было занять Российское государство в отношении Иранского государства [13, с. 208].

Современные исследователи справедливо расценивают Гянджинский договор как знаковое событие в изменении ситуации на Кавказе и развитии российско-османских отношений [12, с. 14]. Южный Кавказ, особенно – Азербайджан, продолжали оставаться регионом столкновения интересов двух противоборствующих империй [12, с. 14]. В историографии бытует мнение об антитурецкой направленности Гянджинского договора [1, с. 135; 11, с. 34].

Известный дагестанский историк Сотавов Н. твёрдо уверен, что причинами непрочности завоеваний России на Кавказе в 20-х годах XVIII века являлись двойственность, непоследовательность и противоречивость её политики в этом регионе, хотя и в его работе подписание Рештского и Гянджинского договоров преподносится как проявление дальновидности политики России, опасавшейся ирано-османского сближения [14, сс. 84, 88, 89, 102].

В свою очередь, рассматривавший данный вопрос Рагимов Г. утверждает, что после заключения указанных договоров активное вмешательство «в дела Азербайджана и Ирана» уже не являлось в то время первоочередной задачей России. Более того, автор справедливо отмечает, что в результате пассивности русской дипломатии усилилась в регионе активность англичан, был подписан англо-русский торговый договор, хотя в конечном итоге Англия терпит поражение в соперничестве с Россией за преобладание в бассейне Каспия [11, с. 34].

Вместе с тем, Сотавов Н., характеризуя политику России во II четверти XVIII в. как потерявшую «на какое-то время определённую и динамизм» [6, с. 71] после заключения Рештского и Гянджинского договоров, приходит к объективному выводу, о том, что, несмотря на снижение интереса российского правительства к кавказскому региону, он по-прежнему занимал важное место в русско-турецких отношениях [6, с. 86].

Другой исследователь – Курукин И., оправдывая возвращение прикаспийских земель предстоящей войной с Османской империей, приходит к выводу о закономерности подписания Рештского и Гянджинского

договоров. Он заключает, что «планы Петра I опередили своё время. Страна ещё не располагала экономическими возможностями для масштабного освоения заморских территорий ...» [15, с. 74-75].

Интересны суждения турецкого исследователя Омера Коджамана, изучавшего проблему Южного Кавказа в политике Турции и России в постсоветский период. Автор утверждает, что Россия заключила Гянджинский договор перед лицом опасности одновременной войны с Османской империей и Надир шахом [16, с. 24]. Забегая вперёд, следует отметить, что этот автор считает постоянное соперничество между Каджарским государством и Османской империей фактором, благоприятствовавшим российской экспансии на Южном Кавказе [16, с. 28].

Во II половине XVIII века политика России в отношении Азербайджана, как и Кавказа – в целом, продолжала строиться на заложенных Петром I традициях. Россия оставалась последовательной в своём стремлении утвердиться в бассейне Каспийского моря. Укрепившись здесь Россия создала бы удобный плацдарм против Турции. Благоприятную почву для активизации своей политики на Южном Кавказе, в т.ч. и в Азербайджане, создало то обстоятельство, что после смерти Надир шаха в 1747 г. на территории Азербайджана образовался ряд независимых и полунезависимых государств – ханств.

К тому же, Кючюк-Кайкарджийский и Яский мирные договоры зафиксировавшие победы России в русско-османских войнах (1768-1774, 1787-1791 гг.), лишили Османскую империю возможности активизироваться на Южном Кавказе и «развязали руки» Российскому государству для расширения экспансии в Азербайджане. Подходящим поводом для военного похода России на Южный Кавказ, явилось разорение войсками Ага Мухаммеда Каджара Тифлиса.

Поход русских войск во главе с В.Зубовым, в данный регион завершился неожиданно: после смерти Екатерины II в 1796 г. взошедший на престол Павел I отозвал русские войска, тем самым приостановив попытку реализации захватнических планов на Южном Кавказе [17, лл. 310-317].

В работе С.Керимовой особое внимание уделено использованию Россией в своей захватнической политике в Южном Кавказе своих единоверцев, и особенно – армян, в качестве орудия в этой политике [18, с. 79].

Феодальная раздробленность Азербайджана, отсутствие сильных соперников в регионе, сближение с Англией и нейтрализация Франции – всё это, создало возможность для начала Россией в начале XIX века завоевательного процесса в Азербайджане.

В 1801 г. к России была присоединена Восточная Грузия, вместе с которой в состав России были включены населённые азербайджанцами и находившиеся в её составе земли Памбек, Газах, Борчалы и Шамшадил [19,

с. 372]. Тем самым была заложена основа завоевания Азербайджана царской Россией.

После захвата Цициановым Джаро-Балакенских джамаатов (1803 г.) [20, сс. 93, 95; 21, с. 685] и Гянджинского ханства (1804 г.) [22, с. 588; 23, с. 588-589] завоевание остальных земель Азербайджана происходило в ходе русско-иранской войны, объявленной шахом (1804-1813 гг.), не желавшим оставаться всего лишь наблюдателем продвижения России в Южном Кавказе.

12 октября 1813 года в Гарабаге в селении Гюлистан, в урочище Зейвачай был подписан российско-иранский мирный договор. Мирза Абульхасан Ширазлы представлял иранскую сторону, главнокомандующий Николай Ртищев – российскую. Договор состоял из 11 статей.

В третьей статье говорится о признании шахом передачи «в собственность Российской империи» следующих ханств: Гарабагское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Губинское, Бакинское и Тальшинское, а также весь Дагестан, Грузию с провинцией Шурагель, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, «равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленною ныне границею и Кавказскою линиею, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [13, с. 439].

Согласно пятой статье только России предоставлялось право иметь на Каспийском море военный флот [13, с. 441].

Следует особо подчеркнуть, что в статьях ряда современных исследователей, помещённых в сборнике, посвящённом 200-летию подписания Гюлистанского мирного договора, авторы выражают общее мнение об этом договоре как о знаковом событии в истории народов Кавказа в целом, в том числе и Южного Кавказа, включая Азербайджан. Они стоят на идентичной позиции и в отношении прелиминарного характера Гюлистанского мирного договора, фактически, в итоге приведшего к новой русско-иранской войне [24, с. 16; 25, с. 241-242; 26, с. 60-61].

Определённый интерес вызывает и статья Иноземцевой Е.И., посвящённая вопросу о статусе российского флота на Каспийском море. Автор подчёркивает, что Гюлистанский мирный договор юридически оформил монопольное положение российского флота на Каспии [27, с. 101-103].

Другой автор – Шукюров М. в своей публикации говорит о том, что видит в подписании Гюлистанского договора стремление России показать Европе, «что не собирается отступать от транскавказа» [25, с. 242-243]. Прослеживая события, предшествовавшие подписанию Гюлистанского договора, он акцентирует на роль этого договора в ликвидации государственной независимости Азербайджана. В частности, к ликвидации Россией азербайджанских ханств Шукюров М. относится как к одному из

последствий Гюлистанского договора. Данное действие со стороны российского правительства в статье этого автора представляется как нарушение царским правительством заключённых в ходе русско-иранской войны договоров с местными правителями [25, с. 243-244].

Известно, что оказавшись перед угрозой ликвидации, правители гарабагского, шекинского, шемахинского ханств в 1805 г. вынуждены были подписать с Россией договоры [28, с. 704-705].

Недовольство России условиями Гюлистанского договора и стремление Ирана, подстёгиваемого Англией и Францией к реваншу, привели к началу второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.) завершившейся подписанием Туркменчайского мирного договора.

Подписанный в 33 км. северо-западнее города Мияна в селении Туркменчай договор завершил не только вторую русско-иранскую войну, но и, прежде всего процесс завоевания Южного Кавказа Россией.

В четырнадцатой статье Туркменчайского договора говорится о предоставлении подданным обоих государств в случае перехода из одного государства в другое возможности проживания в переселенных местах. Исключение составляют перебежчики из Ирана – ханы, беки и духовные лица, «кои личным примером, внушениями и тайными связями могут иметь вредное влияние на прежних своих соотчичей ...» [13, с. 502].

Российский император обещал не позволять им проживать в Гарабагском, Нахчыванском и части Иреванского ханствах [13, с. 502].

В XV статье говорится о том, что подданные Ирана могут беспрепятственно свободно переходить со своими семействами «из Персидских Областей в Российския», переселяющимся предоставлялось право беспошлинного вывоза и продажи движимого имущества.

Как видим, 14 и 15 статьи договора обеспечили для России возможность «разбавить» мусульманское коренное население на вновь завоеванных территориях переселенцами армянами из Ирана, и, в то же время, был поставлен «заслон» на пути возвращения на Родину азербайджанцев.

Подход к оценке Гюлистанского и Туркменчайского договоров и выводы в очередной раз показывают, что по известным причинам в российской историографии авторы остались или вынуждены оставаться на позициях советской тенденциозности и идеологизированности в исследовании вопросов политики России на Кавказе, не допускавшей восприятия России как агрессора в данном регионе [29, сс. 467, 470, 487-491]. Более того, авторы повторяют ошибки предшествующих историков советской эпохи, представляя территорию Иреванского и Нахчыванского ханств как Восточную Армению [30, с. 102-103, 116; 31, с. 291-294]. Известно, что до 1828 года понятия «Восточная Армения» не существовало. Речь может идти о захвате территории Иревана и Иреванского ханства. Конечно, здесь имеет

место фальсификация исторических фактов, их искажение исходя из политических соображений.

Вместе с тем, в коллективной монографии «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века», Гюлистанский договор представлен рубежом изменения имперской политики в данном регионе и утверждения здесь колониального режима царизма, объяснившимся тем, что Россия «твёрдою ногою встала в Закавказье ...» [30, с. 141].

В работе же Г.Садыхова особо подчёркивается, что с заключением этого договора «Россия, прежде всего, овладела стратегической базой в борьбе с потенциальным противником на Кавказе – Турцией» [31, с. 111-112]. В таком же ракурсе рассмотрена значимость Туркменчайского договора [31, с. 151-152].

Для объективной разработки азербайджанского вектора кавказской политики царской России особое значение имеет I том сборника документов «Азербайджан: международные отношения и история дипломатии (1639-1828 гг.)» [13].

Авторы во вступительном слове указывают факторы, ускорившие подписание Россией Гюлистанского договора, среди которых неудачи в военных действиях и изменение международной обстановки в связи с изгнанием войск Наполеона из России [13, с. 430].

Следует отметить, что составители сборника разбирают интересные моменты в ходе заключения Гюлистанского договора, отражавшие шаги и цели российской дипломатии. Это и вопрос о включении «Сепаратного акта» в Гюлистанский договор, о прелиминарном характере Гюлистанского договора, в содержании которого фактически были заложены корни будущей русско-иранской войны; это и шестая статья Гюлистанского договора о равнозначности в иранском варианте возврата военнопленных и беженцев, что, по мнению авторов, явилось редким случаем в истории дипломатии; это и выгодное для России решение со стороны Ртищева вопроса об оставлении Лянкяранского ханства под российским покровительством, и т.д. [13, с. 431-432].

Авторы не проходят мимо факта запоздалого объявления царского манифеста о подписании договора с Ираном. Дело в том, что первоначальный проект манифеста был подписан Россией во Фрибурде (Швейцария) 12 декабря 1813 года. Затем он был передан Н.Р.Румянцеву в Санкт-Петербург. Румянцев обнаружил, что в проекте среди территорий, отходивших к России, не указаны Гарабахское и Гянджинское ханства, в связи с чем проект Манифеста 4 января 1814 года был отправлен на доработку. В результате царский манифест о мирном договоре с Ираном был обнародован лишь 16 июля 1818 г., а содержание самого договора 7 августа 1818 г.

И совершенно правомерно авторы сборника обращают внимание на царившие в российском бюрократическом аппарате халатность и невни-

материльное отношение к такой степени важным делам государственного значения [13, с. 432-433].

Авторы констатируют, что с подписанием Туркменчайского договора был завершён раздел азербайджанских земель. Они указывают, что Туркменчайский договор был длительно действующим и потерял свою силу с официальным заключением в 1921 г. договора между РСФСР и Ираном [13, с. 492].

В другой работе, посвящённой непосредственно Туркменчайскому договору, историк Шукюров К., не ограничивается повтором содержания статей Туркменчайского договора, что, по его мнению, «не имело бы никакого научного значения» [32, с. 80]. Автор предпочёл проследить динамику подписания этого договора.

В работе рассмотрено создание на территории упразднённых азербайджанских Иреванского и Нахчыванского ханств т.н. «Армянской области». Указ об этом был издан Николаем I 21 марта 1828 г. [32, с. 80-81].

Интересен тот факт, что автор проследил до конца судьбу многих статей договора. Так, он указывает на то, что установленные договором границы России (4 и 5 статьи) существуют до сегодняшнего дня [32, с. 81].

Рассматривая статьи о предоставлении свободы переселения из Ирана в Россию (12,13,14,15), и на основе приведённых в работе комментариев А.Грибоедова по поводу этих статей, Шукюров К. утверждает, что переселение армян на территорию Северного Азербайджана – Гарабаг, Иреван и Нахчыван было проведено в жизнь исключительно на основе 15 статьи Туркменчайского договора [25, с. 83-86].

Более того, автор подчёркивает, что в результате подписания Туркменчайского договора не имеющие своей земли для компактного проживания армяне, благодаря России, на услужении которой они находились, получили азербайджанские земли, заложив тем самым основу своей государственности на азербайджанских исторических территориях. Автор подчёркивает роль Туркменчайского договора в консолидации армян, как нации, за счёт Азербайджана и предъявлении впоследствии ими новых территориальных претензий против Азербайджана и Турции [25, с. 94-95].

В отличие от ряда российских авторов, указывавших на прогрессивное значение присоединения к России для кавказских народов, азербайджанские историки подчёркивают пагубное влияние Гюлистанского и Туркменчайского договоров на судьбу азербайджанского народа, последствия которого создают проблемы для нашего народа по сегодняшний день. Реализуя 15-ую статью Туркменчайского договора, тем самым Россия дала толчок для развития армянского терроризма и фашизма, что является уже проблемой мирового масштаба.

Как известно, именно результатом этой переселенческой политики царизма явилось увеличение христианского армянского населения в Азербайджане.

Вместе с тем, будучи уверенным в том, что массовое переселение армян и расселение их в основном в Иреване, Нахчыване и Гарабаге относится не только к результату деятельности отдельных армянских лидеров, С.Керимова подчёркивает, что «эта политика царизма преследовала цель реализовать колонизацию Южного Кавказа, в том числе Азербайджана, укрепить на завоеванной территории колонизаторский режим и систему управления» [18, с. 123].

Таким образом, как видно из вышеизложенного, в период активной завоевательной политики России на Южном Кавказе, в т.ч. и в Азербайджане, было заключено четыре судьбоносных русско-иранских договоров: Рештский, Гянджинский, Гюлистанский и Туркменчайский. Общее для этих договоров – они о разделе территории Азербайджана между Россией и Ираном. Однако, если при подписании Рештского и Гянджинского договоров существовало относительное равенство сторон, то при заключении Гюлистанского и Туркменчайского договоров в преимущественном положении находилась Россия, которая и диктовала свои условия.

Позиция азербайджанских исследователей в отношении завоевания Россией Северного Азербайджана, как и всего Южного Кавказа, является свидетельством их нового объективного деидеологизированного подхода к изучаемому вопросу. Вызывает удивление оценка, данная этим событиям армянским историком Э.Г.Вартаньяном, который утверждает, что «историки ряда закавказских республик заново переписывают историю и пытаются её трактовать в угоду своим политическим амбициям. Особенно рельефно влияние политической конъюнктуры отразилось на исторической мысли независимых Грузии и Азербайджана, в которых, в частности, факт вхождения этих территорий в состав Российской империи стал оцениваться как оккупация и завоевание» [33, с. 6].

Интересно, а как называет Э.Вартаньян процесс ввода Россией на чужую территорию своих войск и ликвидации здесь государственности – ханств? Игнорируя отрицательные последствия завоевания Россией для азербайджанского народа, прежде всего потерю государственности, раздел Азербайджана на две части и создание условий для передачи западных земель Азербайджана армянам, Э.Вартаньян ограничивается мнением о том, что «... возможностей для более стабильного социально-культурного и политического развития у народов Северного Азербайджана в составе России было больше» [33, с. 14].

Неудивительно, что рассматривая условия Туркменчайского договора Э.Вартаньян остаётся последовательно необъективным, когда говорит о завоевании западных азербайджанских земель Россией, как о переходе в состав России «Восточной Армении» [33, с. 15].

Так, азербайджанские земли, куда переселялись армяне из Ирана и Турции, автором выдаются за армянские [33, с. 15].

В работе турецкого исследователя Омера Коджамана как важное следствие Туркменчайского договора указывается «твёрдое закрепление России в Восточном Закавказье». Автор особое внимание уделил также вопросу об обязательстве Ирана «не препятствовать массовому исходу армян с персидских территорий на русские» [16, с. 29].

В коллективной монографии под редакцией профессора Я.Махмудова «Иреванское ханство» обстоятельно изложен вопрос завоевания Иреванского ханства Россией как кульминационная точка захватнического процесса всей территории Северного Азербайджана и колониального раздела азербайджанских земель между Россией и Ираном по заключённому между ними Туркменчайскому договору [34, сс. 298-313, 337, 348, 349-352]. В ходе глубокой разработки вопроса о переселении армян на территорию Северного Азербайджана из Ирана и Османской империи, осуществлённом на основе 15 статьи Туркменчайского договора, авторы приходят к чёткому выводу о роли России в изменении демографической карты не только Иреванского ханства, но и всего южнокавказского региона. В частности, они обоснованно и убедительно высказали мысль о том, что готовясь к новым войнам с Ираном и Турцией, Россия, в целях образования на Южном Кавказе христианского буфера, осуществила массовое переселение иранских и турецких армян на завоеванные земли Северного Азербайджана – территории бывших Иреванского, Нахчыванского, Гарабагского ханств и другие области Азербайджана [34, сс. 375-379, 382-391, 395, 396-403, 405].

Таким образом, подписание Рештского и Гянджинского договоров стало возможным лишь вследствие вытеснения османов из Южного Кавказа, что создало условия для свободы действий России в этом регионе в будущем. Подписанные в результате русско-иранских (1804-1813, 1826-1828 гг.) войн Гюлистанский и Туркменчайский договоры зафиксировали завоевание Россией Северного Азербайджана.

Сегодня Азербайджан представляет собой независимую республику и отношения её с Россией и Ираном, достигшие иной степени развития, отражаются в новых международных договорах, но ни в коей мере не следует забывать уроки истории. Историографическое изучение вышеуказанных договоров имеет важное значение для координации как российской политики в Азербайджане, так и политики Азербайджана в отношении соседних государств. Вместе с тем, становление российско-азербайджанских отношений, как в XVIII – нач. XIX вв., так и сегодня тесно связано с динамикой международной ситуации в южнокавказском регионе. Следовательно, оценка современными исследователями мотивов действий России по отношению к Азербайджану позволит понять реалии сегодняшнего дня при

выработке определённой концепции, как геополитических проблем современности, так и национальной политики Азербайджана. Новый подход к вопросам международных отношений способствует осмыслению истоков внешней политики России, что является необходимым при определении приоритетов внешней политики как России, так и Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mustafazadə T. XVIII yüzillik – XIX yüzilliyin əvvəllərində osmanlı – Azərbaycan münasibətləri. Bakı, Elm, 2002, 372 с.
2. Архив Внешней Политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. Сношения России с Турцией (далее СРТ), оп. 89/1, 1724, д. 6, ч. 2.
3. АВПРИ, ф. 89 (СРТ), оп. 8, 1724, д. 7.
4. Бутаев А.А. Народно-освободительное движение на Восточном Кавказе под руководством Хаджи Давуда Мюшкюрского (первая треть XVIII века). /osvoboditelnoe-dvizhenie-hadzhi-davuda/ - alpan 365 ru.
5. Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, Элм, 1993.
6. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. Москва, «Наука», 1991, 222 с.
7. Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала. Тип. Мининформ - печати РД, 1996, 264 с.
8. Касумов Р.М. Рештский договор 1732 г. – Вопросы истории, №5, 2010, с. 149-153.
9. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Турция. Персия. Китай. Япония. Составитель Т.П.Юзефович. URSS. Москва, 2016, с. 194-202 (296 с.).
10. E.Hüseynov. Azərbaycan Nadir şah Əfşarin hakimiyyəti dövründə. Bakı, Elm, 2013, 224 с.
11. Рагимов Г. Из истории азербайджано-русских дипломатических отношений во второй половине XVIII – в начале XIX веков. Баку, 1997, 170 с.
12. Саламова Н.А. Кавказ и Крым в русско-турецких отношениях от Рештского договора до Гянджинского трактата (1732-1735 гг.). – [https:// ivran.ru/vostochnyj-arhiv/](https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv/) - Журнал «Восточный архив», М., №16, 2007, с. 11-14 (Институт востоковедения Рос. АН).
13. Mahmudov Y.M., Şükürov K.K. Azərbaycan beynəlxalq münasibətlər və diplomatiya tarixi (1639-1828). (Dövlətlər arası müqavilələr və digər xarici siyasət aktları). I cild. Bakı, İSBN, 2009, 512 с.
14. Сотавов Н. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане. Махачкала, ИД «Эпоха», 2000, 350 с.

15. Курукин И. Уроки «персидской глупости» – «Родина рос. ист. илл. журнал». Москва, №5, 2001, с. 70-76.
16. Омер Коджаман. Южный Кавказ в политике Турции и России в потсоветский период. Москва, Русская Панорама, 2004, 296 с.
17. АВПРИ, ф. 77 (Сношения России с Персией), оп. 5, д. 2.
18. Kərimova Sevil. Çarizmin Azərbaicanın işğalında və müstəmləkəçilik siyasətində erməni siyasətbazlarının rolu. Bakı, Azərneşr, 1995, 192 с.
19. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3, СПб., Тип: Департамент уделов, 1886, 557 с.
20. Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803 г. по 1806 год. СПб. Печатано в типографии Департамента уделов.
21. Акты Кавказской Археологической Комиссии (далее АКАК). Т. 2. Тифлис, 1868, 62, 27, док. 1387.
22. Там же, 62, 5, док. 1171.
23. Там же, 62, 6, док. 1173.
24. Абдуллаева М.И. Успехи и промахи русской дипломатии при подготовке и подписании Гюлистанского мирного договора. – Материалы Международной научной конференции «Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа», посвящённой 200-летию со дня подписания договора. – Махачкала. Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2013, с. 12-16
25. Шюкуров М. Последствия Гюлистанского договора для народов Азербайджана. – Материалы Международной научной конференции «Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа», посвящённой 200-летию со дня подписания договора. – Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2013, с. 241-244.
26. Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х., Мусаев И.Л. Кавказский вопрос в международных отношениях накануне Гюлистанского мира. – Материалы Международной научной конференции «Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа», посвящённой 200-летию со дня подписания договора. – Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2013, с. 58-61.
27. Иноземцева Е.И. Статус и роль российского флота на Каспийском море по условиям Гюлистанского трактата. – Материалы Международной научной конференции «Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа», посвящённой 200-летию со дня подписания договора. – Махачкала, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2013, с. 101-105.
28. АКАК. Т. 2, Тифлис, 1868, 62, 30, док. 1436.

29. История Дагестана с древнейших времён до наших дней. Т. 1. Москва. Наука. 2005, 627 с.
30. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик. Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г. 2008, 482 с.
31. Sadıqov H. Rusiya-Türkiyə münasibətlərində Cənubi Qafqaz problemi (1787-1829-çu illər). Bakı, Elm, 1991, 175 с.
32. Şükürov K.K. Türkmənçay – 1828: Tarixi xronika (İxtisarla). Bakı, ISBN 2006, 130 с.
33. Э.Г.Вартаньян. Вхождение Закавказья в состав Российской империи в исторической литературе. – В кн.: «Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем». Под ред. А.Г.Иванова. Краснодар, КГУ, 2013, с. 1-17.
34. Иреванское ханство: российское завоевание и переселение армян на земли Северного Азербайджана. Коллективная монография под ред. проф. Я.Махмудова. Баку, Şərq-Qərb, 2010, 620 с.

XVIII – XIX ƏSRİN ƏVVƏLLƏRİNDƏ RUSİYANIN QAFQAZ SİYASƏTİNİN AZƏRBAYCAN ASPEKTİ (XARİCİ DİPLOMATİC AKTLARININ TARİXİ TƏHLİLİ)

M.S.İskəndərova

XÜLASƏ

Təqdim olunmuş məqalədə XVIII əsrdə – XIX əsrin əvvəllərində bağlanmış və Cənubi Qafqaz xalqlarının, o cümlədən Azərbaycan xalqının taleyinə təsir göstərmiş Rusiya-Səfəvi və Rusiya-Qacar müqavilələrinin öyrənilməsinə həsr edilmiş tarixi əsərlərin tarixşünaslıq təhlilinə cəhd edilmişdir. İşdə müasir tədqiqatçıların, xüsusən Azərbaycan tədqiqatçılarının Rusiya və Qacar İranın Cənubi Qafqaz siyasətinin Azərbaycan aspektinə yeni yanaşmaları nəzərdən keçirilir. Bu tarixşünaslıq şərhı Rusiyanın xarici siyasətinin mənbələrini dərk etməyə imkan yaradır ki, bu da öz növbəsində həm Rusiyanın, həm də Azərbaycanın xarici siyasət prioritetlərinin müəyyənləşdirilməsində mühüm amildir.

**АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ АСПЕКТ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ В XVIII – нач. XIX вв.
(исторический анализ внешнеполитических дипломатических актов)**

М.С.Искендерова

РЕЗЮМЕ

В предлежащей статье предпринята попытка историографического анализа исторических трудов по изучению российско-сефевидских и российско-каджарских договоров XVIII – нач. XIX веков, повлиявших на судьбу южнокавказских народов, в том числе и Азербайджана. В работе раскрывается новый подход современных исследователей, в частности – азербайджанских к изучению азербайджанского аспекта кавказской политики России.

Данный историографический обзор поможет осмыслению истоков внешней политики России, что является необходимым при определении приоритетов внешней политики как России, так и Азербайджана.

**THE AZERBAIJCAN ASPECT OF RUSSIA'S CAUCASIAN POLICY
IN THE XVIII – EARLY XIX CENTURY
(historical analysis of foreign diplomatic acts)**

M.S.Iskenderova

SUMMARY

In this article, an attempt is made to historiographic analysis of historical works on the re-search of the Russian-Safavid and of the Russian-Qajar treaties of the 18th - early 19th centuries, which influenced the fate of the South Caucasian peoples, including Azerbaijani people. The work reveals a new approach of modern, in particular Azerbaijani researchers to the investigation of the Azerbaijani vector of the South Caucasus policy of Russia and Qajar Iran. Hence, this his-toriographic review will help to comprehend the origins of Russia's foreign policy, which is necessary in determining the priorities of the foreign policy of both Russia and Azerbaijan.

Çapa tövsiyə etdi:

Prof. A.M.Mirabdullayev